

Л.Н.Коган

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О СОЦИОЛОГИИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Коган Лев Наумович — заслуженный деятель науки РФ, профессор Екатеринбургского государственного университета.

В последнее время проявляется несомненный интерес (в том числе со стороны "Социологического журнала") к социологии 60-х годов. Уверен, что все мы, пережившие эти годы и не расставшиеся с нашей наукой, вспоминаем о них с ностальгической болью в душе: да, это было трудное для честных и масштабных исследований время, но это была пора нашей молодости, пора надежд и несбывшихся, как потом оказалось, ожиданий, пора напряженной учебы, овладения азами методики и техники исследований.

Справедливо говорится о развитии социологии шестидесятых одновременно в ряде научных центров страны (в том числе в нашем, уральском). При этом, как правило, речь идет о ее "возникновении", "становлении". Я бы считал более уместным употреблять в данной связи слово "возрождение". Иначе у неискушенного читателя может возникнуть ошибочное впечатление, будто наша социология создавалась именно в 60-е годы.

Такое впечатление складывается в силу крайне недостаточного изучения истории советской социологии 20-х годов. Между тем были проведены достаточно масштабные для той поры исследования в области труда, семьи, молодежи (в том числе беспризорных), свободного времени, чтения, театра и кино, быта. Из тех работ более известны исследования по свободному времени, начатые патриархом нашей социологии С.Г. Струмилиным, но это лишь часть общей картины. В монографии "Кино и зритель" (М.: Искусство, 1968) мы дали краткий обзор исследований 20-х годов в области киноискусства. Список трудов оказался довольно внушительным. Социологи тех лет, преодолевая неизбежные ошибки и заблуждения, мучительно вырабатывали научную методологию, методику, технику исследований и — не побоюсь сказать — не отставали от мировых стандартов. И только извечная наша беззаботность, небрежение к изучению собственного опыта стали причиной того, что российская социология тех лет не заняла по праву причитающегося ей места в истории мировой социологической мысли (и главное — конкретных исследований).

Поэтому, по моему убеждению, речь должна идти не о создании, а именно о возрождении социологии в 60-е годы, развитие которой было искусственно прервано сталинским тоталитарным режимом. Постараюсь выделить некоторые причины и особенности такого "ренессанса".

1. Одной из важных причин стала стихийная неудовлетворенность преподавателей исторического материализма его абстрактным, догматическим, оторванным от жизненных реалий содержанием. Во всяком случае подавляющее большинство социологов того времени имело более или менее продолжительный опыт преподавания этого предмета, и понятно их стремление сочетать социологию и истмат. Это нашло отражение в широко распространенном тогда представлении об истмате как теоретической социологии.

2. В годы хрущевской "оттепели" стало модным говорить о "внедрении научных методов в партийную работу". Чаще всего дело оканчивалось именно разговорами, хотя некоторые руководители партийных комитетов (в первую очередь секретари первичных организаций предприятий, как правило, инженеры по образованию) воспринимали эти слова всерьез — сказывалась их неудовлетворенность господствующими принципами "кабинетного руководства". Бывали и практические результаты. В частности, тогдашний секретарь Оренбургского обкома партии В.П. Поляничко (недавно погибший на Северном Кавказе) организовал вместе с нами большое исследование культуры молодежи Южного Урала.

3. Особенностью идущего "снизу" возрождения нашей социологии являлся бесспорный приоритет так называемой периферии по сравнению с центром. Пер вые крупные социологические исследования проводились в Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, позднее — Красноярске, Горьком, Перми, но не в Москве. Это, казалось бы,

парадоксальное положение было исправлено привычным для административной системы способом: наиболее заметные социологи были "изъяты" из областных центров и переведены в столицу. Провинциальным научным центрам был нанесен очень серьезный, в ряде случаев — непоправимый урон (в первую очередь я имею в виду сильнейшую, на мой взгляд, в то время новосибирскую социологическую школу). Насколько помогло это организации науки в столице — другой вопрос. Словом, вспоминается известная французская поговорка: "Поэты рождаются в провинции, а умирать едут в Париж" (разумеется, прошу не понимать ее буквально).

4. Наша союзная (а ныне российская) социология всегда была крайне раздроблена. Надежды на то, что отдел социологии в Институте философии АН, а по том и академический Институт социальных исследований сумеют объединить социологов страны, координировать их усилия, увы, не оправдались. Не смогла решить эту задачу и Советская социологическая ассоциация, которая с первых же своих шагов основное внимание обращала на укрепление международных связей. Это, конечно, было необходимо, но отнюдь не в ущерб работе с отделениями на местах, как получилось на деле.

5. Мы привыкли обвинять западных социологов в разрыве между теоретической социологией и "социальной инженерией" — конкретными эмпирическими исследованиями. Кстати, наличие такого разрыва откровенно признавали и признают сейчас многие крупные социологи Европы и США. Но разве у нас не было и нет такого же, если еще не большего разрыва? Разве принятые в нашей социальной философии мертвые теоретические схемы, чаще всего не имеющие ничего общего с подлинным марксизмом, не оказали крайне негативное влияние на практику исследований? Помню, как мучились мы, ясно сознавая, что догматическое представление о социальной структуре нашего общества "2+1" (рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция) не может служить надежным теоретическим основанием для инструментария социологического анализа реальных процессов жизни. Вот и появлялись "обходные маневры" вроде манипуляций с категорией "служащие" или построений типа "рабочих-интеллигентов". Я говорю лишь об одном частном вопросе, на деле их были десятки.

6. Наконец, за исключением считанных единиц столичных ученых, основная масса социологов на местах имела крайне туманное представление о социологической классике и современной западной социологии и нередко занималась "открытием велосипедов". Здесь играли свою роль не только пресловутая "идеологическая борьба", но и плохое знание иностранных языков — как и то, что многие (как и автор этих строк) оказались по тем или иным причинам "невъездными".

Если первые из указанных выше факторов в какой-то мере раскрывают причины возрождения социологии в 60-е годы (особенно с середины десятилетия), то последние объясняют, почему подлинного "ренессанса" все же не произошло, да и не могло произойти.

Можно только абстрактно предполагать, какой была бы российская социология, если бы она беспрепятственно все эти три четверти века продолжала и умножала традиции 20-х годов. Конечно, большая вина при всех этих объективных обстоятельствах лежит и на нас, социологах. Наше небольшое сообщество всегда отличали междоусобные стычки и распри, острейшие конфликты, причем далеко не всегда по принципиальным соображениям. Едва возникнув, Институт социальных исследований разделился на вотчины Осипова и Бурлацкого — чуть ли не до буфетов и гардероба. Сколько сил ушло на бесплодную и ненужную борьбу! При этом начавшиеся в центре распри неизбежно в той или иной степени переносились на места (вспомним хотя бы конфликты в ЛИКСИ и др.). Я не хочу сейчас говорить о причинах, я только констатирую факт, тем более, что причины нам на местах, "далеко от Москвы" не всегда были известны.

И все-таки, несмотря ни на что, я не склонен, подобно ряду моих коллег, принижать нашу социологию и того, и последующих периодов, и публично, даже на мировых конгрессах, утверждать, что мы стоим на уровне стран "третьего мира". Сейчас у нас есть широкие возможности сопоставить наши исследования тех лет с соответствующими западными образцами. И, честно говоря, я не вижу поводов для такого самоуничижения.

Ведь именно в период, о котором идет речь, появились известные исследования В.А.Ядова, А.Г.Здравомыслова и руководимого ими коллектива об отношении молодежи к труду, Б.А.Грушина — о свободном времени и общественном мнении (на примере Таганрога), В.Н.Шубкина — о престиже профессий... Надо ли продолжать этот перечень?

Скажу лишь о том, что мне наиболее близко — о социологических исследованиях тех лет в области культуры. Уверен, что серия книг социологов библиотеки имени В.И.Ленина о читательских интересах населения не потеряла своей научной ценности. Не могу не вспомнить работы С.Н.Плотникова по социологии культуры. Да и без ложной скромности скажу о книге свердловских социологов "Кино и зритель"; просматривая ее сегодня, более чем через четверть века, я вижу, что были верно предсказаны многие беды нашего кино — и резкое падение зрительской аудитории, и засилье китчевой псевдокультуры, и непростые отношения кино и телевидения. А главное, я бы и сейчас повторил содержащиеся в ней практические рекомендации, которые могли бы если не предотвратить, то хотя бы смягчить наступивший кризис в системе "кинозритель". Эти рекомендации мы послали тогда председателю Госкомитета, но ни одна из них, даже частично, не нашла практического применения.

Сегодня мы можем спокойно разобраться и в бедах, и в несомненных успехах (пусть не таких, каких ожидали) социологии 60-х годов. Не знаю, как мои коллеги, но я счастлив, что жил и работал в то нелегкое время и меньше всего склонен окрашивать его сплошной черной краской. Наше счастье и наша беда, что после нас остаются живые свидетели наших дел — наши книги и статьи. И право же, они лучше, объективнее, чем самые честные и добросовестные воспоминания, расскажут тем, кто начинает свой путь в социологии, о тех далеких уже днях. И все же такие воспоминания необходимы: молодежь нередко смотрит на прошлое с позиций сегодняшнего дня, не зная реальных условий, когда создавались те или иные труды. Конечно же, современный студент-физик знает больше, чем Архимед, Ньютон или Фарадей, но это еще не говорит о его превосходстве над ними. Надо попытаться понять прошлое, взглянув на него глазами живших тогда людей.

Опыт 60-х годов может многому научить современного молодого социолога. Прежде всего, как мне представляется, он учит беречь наше небольшое профессиональное сообщество. Странная сложилась сегодня ситуация: многие крупные социологи стали действительными членами десятка различных Академий; увы, при этом количество трудов находится чуть ли не в обратной пропорции к количеству этих громких званий. При всех распрах и междоусобицах, мешавших возрождению социологии, профессиональные связи и личные контакты ученых тогда были несравненно более прочными и эффективными, чем теперь. Можно сослаться на отсутствие средств, на непомерные транспортные и почтовые расходы, на десяток других причин. Все это так. И все же уверен: при упорной работе и большом желании эти трудности преодолимы. Наша наука не может успешно развиваться, более того — она утратит уже завоеванные позиции, если не наладить тесные контакты, обмен информацией и работами между центром и периферией, между разными регионами и социологическими центрами страны. Социологи ныне много пишут о плюрализме мнений, но сами чаще всего забывают о нем. Борьба мнений, различие политических взглядов и позиций не должны препятствовать профессиональным связям.

О таком единстве я мечтал в 60-80-е годы и вместе с моими коллегами пытался сделать все, что было в наших силах, для объединения социологов Урала вокруг отделения Социологической ассоциации. Об этом я мечтаю и теперь.